

УДК 930.85

Теория этногенеза и её фальсификация в республиках Среднего Поволжья

Тафаев Геннадий Ильич

Доктор исторических наук, профессор,
Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я.Яковлева,
428000, Россия, Чебоксары, ул. К.Маркса, 38;
e-mail: tafajev@gmail.com

Аннотация

В статье автора освещаются проблемы фальсификации этногенеза народов Среднего Поволжья. В условиях Российской Федерации фальсификация истории народов фактически ведет к развалу страны.

Ключевые слова

Цивилизация, фальсификация, этногенез, история, этнография.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-11-21001 «Фальсификация истории древнеболгарской цивилизации».

*Современникам чувашам
представляют из себя
не что иное, как прямых
потомков волжских
болгар.*

Н.И. Ашмарин

Введение

В последние 100 лет экспансия татарского этноса направлена на окончательное изъятие древнеболгарской истории у чувашей и полная их ассимиляция.

Tafaev Gennadii Il'ich

Фальсифицированная история захлестывает чувашское сознание и лишает их своей историко-генетической памяти. Приведем только несколько примеров.

1. «А теперь что касательно истории. Что же вы батенька (как и все чувашские «историк») передергиваете карты и вертите историей, словно продажной девкой? Какое вы имеете отношение к Волжской Булгарии, которую создали болгары-мусульмане – предки нынешних казанских татар? Ну, входили вы туда на правах вассалов, как входили и в Большую Орду и в Казанское ханство – ну и что? Вы что ли являлись государствообразующими нациями этих государств? Нет, конечно. Повторяю, чувашаи как народность образовались тогда, когда откололись от основных болгарских племен, принявших в IX веке ислам. И все, на этом ваш путь со столбовой дорогой развития болгарской нации расходится, виляя в сторону верхневолжских болот. И не примазывайтесь вы к истории болгарских мусульман, не хапайте чужое. Это все уже не ваше».

Позиция татаро-булгаристов следующая:

– Булгары-мусульмане – предки нынешних казанских татар;

– Татары шли по столбовой дороге, а чувашская дорога шла по болотам;

– Чуваши, не примазывайтесь к истории болгарских мусульман, не хапайте чужое.

Фальсификация теории этногенеза

Фальсификация истории продолжается более 100 лет и как говорят татарские булгаристы «чуваши – это все уже не ваше».

Читая в интернете и учебниках такие суждения, душа начинает болеть за историю древнеболгарской цивилизации. Чтобы глубже понять процессы этногенеза тюрков-болгар и угро-финнов мы предлагаем обратиться к статье Р.Г. Кузеева и В.А. Иванова «Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V-XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса»¹.

Р.Г. Кузеев отмечал, что современный этап изучения этногенеза народов СССР все – более характеризуется перенесением акцентов исследования от этнокультурных процессов в рамках отдельных эт-

¹ Болгары и чувашаи. Сб. ст. – Чебоксары. 1984. – С. 3-8.

носов на этнические процессы в историко-этнографических регионах. Объясняется это тем, что изучение историко-этнографических областей (ИЭО) позволяет существенно повысить доказательность сравнительно-исторических сопоставлений при анализе различных сфер культуры и, следовательно, более глубоко понять развитие отдельного этноса в системе исторически связанных с ним народов. Особенно важно подчеркнуть, что комплексное (междисциплинарное) исследование истории формирования ИЭО позволяет по-новому взглянуть на ставшие традиционными или дискуссионные решения некоторых этногенетических и этнокультурных проблем. Результативность подобных работ в последнее время хорошо подтвердилась на примерах таких историко-культурных регионов, как Средняя Азия, Северный Кавказ и др.

Изучение в указанных аспектах Волго-Уральской ИЭО представляет особый интерес, так как тюркские и финно-угорские народы, расселившись на огромных лесостепных и степных просторах Евразии, именно здесь, на территории Восточной Европы, от реки Оки и до Южного Урала, по крайней мере, на протяже-

нии 12 столетий имели постоянные и тесные контакты. Разработка с привлечением всей совокупности источников истории и механизма контактов и этнокультурной интеграции финно-угорских и тюркских народов в ИЭО может явиться определенным вкладом в исследование древних и средневековых этапов этнической истории всех народов региона, как тюркских, так и финно-угорских.

В истории генезиса и развития Волго-Уральской ИЭО выделяется 6 крупных этапов, каждый из которых характеризуется генерализующим направлением миграций, специфическим сочетанием хозяйственной и культурной деятельности местных и пришлых этносов региона, особенностями этнического состава, численного соотношения и территориального размещения населения, определяющими тенденциями социально-политического развития. В настоящей статье, исходя из ее задачи, кратко характеризуются первые два этапа и более развернуто рассматриваются третий и четвертый этапы.

Основным содержанием первого этапа является распад древнеуральского единства, продвижение предков финно-пермских народов в IV-III тыс.

до н. э. к западу от Урала, на Каму и Среднюю Волгу, и образование здесь финно-пермской неолитической общности. По мере расселения на запад прафинны впитали в себя какие-то «палеоевропейские» группы. Неолитические племена лесной полосы Восточной Европы – носители так называемой волосовской культуры ямочно-зубчатой керамики – в начале II тыс. до н. э. появляются в бассейне Оки, Верхнем Поволжье и достигают Прибалтики. Волосовские и родственные им племена, в которых О. Н. Бадер и А. Х. Халиков видят ранних финнов, входили, видимо, в одну обширную область древности, включавшую в начале II тыс. до н. э. территорию между Уралом и Балтийским морем. Область Среднего Поволжья и Приуралья была составной частью этой Волго-Уральско-Прибалтийской провинции, и на нынешнем уровне наших знаний мы ничем не можем аргументировать хотя бы относительную ее обособленность.

Второй этап, который датируется началом II тыс. до н. э. серединой I тыс. н. э., сам по себе сложный и длительный, характеризуется, прежде всего, дальнейшим развитием финно-угорской общности преимущественно по линии этнической

дифференциации. На формирование этнокультурного облика населения Среднего Поволжья и Приуралья в эту эпоху имели воздействие угорское и угорско-самодийское проникновение из Западной Сибири и индоиранские продвижения с юга. Западносибирско-угорское проникновение, по существу, не прерывалось с момента разделения уральской общности, влившись позднее в широкий процесс великого переселения народов в I тыс. н. э., когда в этнических процессах в Восточной Европе заметно повышается роль смешанных угро-индоиранских и, возможно, угро-тюркских образований.

Угорские миграционные волны в Приуралье и Волго-Камскую область не только на протяжении многих столетий питали и поддерживали финно-угорскую основу этнокультурной характеристики волго-уральского населения, но и способствовали постепенной дифференциации общечинской общности на западнофинскую и восточнофинскую. Миграции из Западной Сибири и с юга, с Прикаспия и Северного Кавказа, сыграли не последнюю роль в разделении восточнофинской общности на волжскую и пермскую ветви и в формировании к середине I тыс. н. э. основных компо-

нентов современных финно-угорских этносов региона. Одновременно это был постепенный процесс обособления Волго-Уральской области от Волго-Уральско-Прибалтийской провинции с установлением новых хозяйственно-культурных связей, ориентированных преимущественно на Западную Сибирь и южные территории.

Характеризуя чрезвычайную сложность, этнокультурных связей финно-угров Волго-Уральской области с Западной Сибирью и со степным югом, невозможно не обратить внимание на возрастающее значение южных этнокультурных и торговых связей. Еще в I тыс. до н. э. среди ананьинского населения археологи прослеживают влияние культуры киммерийского мира, а также кобано-колхидской культуры Северного Кавказа. В последующее время, в савромато-сарматско-аланскую эпоху, связи с югом становятся постоянными; они, то, возрастая, то несколько угасая, не прерывались вплоть до конца рассматриваемой эпохи. На основании этих и других фактов можно предположить, что изменения в направлениях этнокультурных взаимодействий создавали предпосылки для формирования на огромной террито-

рии Среднего Поволжья, Приуралья, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа единого этнокультурного региона финно-угорского и индоиранского взаимодействия.

В связи с указанным важно подчеркнуть, что проникновение тюрков во второй половине I тыс. н. э. в Волго-Камье было, по существу, продолжением уже установившихся с югом миграционных традиций, этнокультурных и торговых связей.

Третий этап датируется со второй половины I тыс. н. э. до XIII в. (до начала монгольского нашествия). Основным его содержанием была миграция в Среднее Поволжье тюркоязычных групп населения с юга и активное их этнокультурное, взаимодействие с местным финно-угорским населением. Экономическое и культурное влияние Волжской Болгарии распространилось на древние мордовские, марийские племена, на бурта – сов, мурому, мерю, мещеру, позднее удмуртов, пермь и другие племена края.

Основу Волго-Уральской ИЭО составляла сравнительно плотно, заселенная территория Среднего Поволжья, население которой характеризовалось более высокой культурой. Именно здесь на относительно ком-

пактной площади протекал первоначально наиболее активный процесс финно-угорско-тюркского этнокультурного взаимодействия, расширяясь постепенно на периферию этой зоны. На этой же территории с выгодным географическим положением на крупных водных артериях, в благоприятных экологических условиях для земледельческого хозяйства сформировалось первое феодальное государство в регионе Волжская Болгария, сыгравшая роль крупного ареалообразующего и этноконсолидирующего фактора для всего региона.

В разработке истории формирования Волго-Уральской ИЭО принципиальное значение имеет определение времени и масштабов финно-угорско-тюркских взаимодействий. В настоящее время это один из самых дискуссионных вопросов. В литературе, особенно археологической, в последние два десятилетия активно разрабатывается концепция о неоднократной доболгарской массовой тюркизации Среднего Поволжья, тюркоязычности носителей многих культур Приуралья с эпохи до н. э. и I тыс. н. э., о начале формирования чувашского этноса на основе тюркоязычных носителей Писеральско-Андреевских курганов

II–III вв. н. э. и, наконец, о решающей роли доболгарской тюркизации для сложения этнической основы всех тюркских народов ИЭО.

На наш взгляд, лингвистические факты, выявленные в границах исторической досягаемости и относящиеся с VI–VII вв. к древнетюркским языкам Центральной Азии, не дают достаточных оснований для доказательства гипотезы о массовой тюркизации населения Среднего Поволжья в первой половине I тыс. н. э. и, тем более, до н. э.

Археологические материалы, несмотря на многочисленные попытки ряда исследователей связать те или иные культуры с тюркским этносом, также не дают основания для пересмотра теории центральноазиатского происхождения тюрков или даже для существенного удреждения хронологии ранних тюркских миграций в Восточную Европу. Не согласуются с такой постановкой проблемы и результаты антропологических исследований, которые свидетельствуют, что южносибирский антропологический тип сформировался на территории современного Казахстана в результате смешения европеоидных и монголоидных групп населения лишь в диапазоне VI–XI вв. н. э.

Представляется, например, решенным вопрос о весьма опосредованном влиянии гуннского нашествия на племена Волго – Уральского региона. Оно проявилось в спорадическом проникновении сюда новых этнокультурных групп еще в первой половине I тыс. н. э. (памятники харинско-тураевского, именинковского, чуть позже – турбаслинского типов), этническая принадлежность которых, однако, остается весьма проблематичной. В то же время сегодня ясно, что именинковцы и турбаслинцы не были тюрками. Предполагаемое же присутствие в составе харинско-тураевских групп тюркоязычных кочевников не оказало существенного влияния на формирование этнического состава населения Урало-Поволжья. Узкая локализация оседлых земледельческо-скотоводческих культур Приуралья (бахмутинской – в междуречье рр. Быстрый Танып и Уфа, турбаслинской – по левобережью среднего течения р. Белой, именинковской – в Нижнем Прикамье), при отсутствии достоверных археологических данных об этнокультурных контактах их носителей с соседними финно-угорскими племенами региона, достаточно наглядно указывает на преобладание здесь в

рассматриваемое время тенденции к относительной этнотерриториальной замкнутости, обусловленной, вероятно, сложной обстановкой в евразийских степях.

В последней четверти I тыс. н. э., когда в великом поясе степей Евразии этнополитическая обстановка постепенно стабилизировалась, в Волго-Уральской ИЭО начинается активный процесс нивелировки множества этнокультурных образований под воздействием пришлых (раннеболгарского и угорского) и местного (финно-угорского) этносов. Доминирующая роль последнего в этом процессе проявилась достаточно очевидно. Это положение подтверждается, прежде всего, результатами этнокультурного взаимодействия тюркского (раннеболгарского) и арестного прикамско-приуральского этносов (погребальный обряд и вещевой комплекс Больше-Тарханского, Танкеевского, Тетюшского могильников), а также – отсутствием аналогов в тюркских памятниках погребальному обряду, женским украшениям и керамике кушнаренковско-караюкуповской культуры, что объясняется ее угорской (возможно, древнемадьярской) этнической принадлежностью.

Спорадические проникновения угорских племен в Приуралье в конце VII–первой половине VIII вв. (Манянский, Бирский, Такталачукский и др. могильники), к концу VIII в. завершились широким расселением угров по обе стороны Южноуральского хребта (могильники типа Хусаиновских, Бекешевских, Ямаши – Тау, Лагеревских, Старо-Халиловских и др.) и выходом их в Нижнее Прикамье (Больше-Тиганский, Игимский, Чишминский могильники), где они вступают во взаимодействие с болгарами.

Раннеболгарское население Волго-Камья, как это неоднократно отмечалось исследователями, не представляло собой этнического монолита. Симбиоз местных прикамско-приуральских и собственно болгарских элементов культуры прослеживается уже в материалах Больше-Тарханского могильника – самого раннего болгарского памятника в Среднем Поволжье. Более ярко местные прикамские (поломско-ломоватовские) черты погребального обряда и погребального инвентаря (количественно преобладающая лепная керамика, шумящие подвески, граненые браслеты, некоторые типы височных подвесок) проявляются в погребениях IX–X вв.

Танкеевского могильника, причем, как считают исследователи, здесь они преобладают. Достаточно выразительны в памятнике проявления болгарско-угорских этнокультурных контактов: захоронения конской шкуры в могилах, погребальные маски – личины. На основании приведенных выше фактов исследователи сделали важный вывод о принадлежности Танкеевского могильника местному финно-угорскому населению. Этот вывод следует постоянно иметь в виду при реконструкции этнической структуры Волжской Болгарии².

Праистория древних болгар (проболгар), конечно, очень интересная и мы еще вернемся к статье Р.Г. Кузеева. Процесс фальсификации, который продолжается в Татарстане отмечает Василий Ордынский в статье «Фальсификации прошлого в учебниках по истории Татарстана и татарского народа: проявления, масштаб, последствия».

Для нас, чувашских историков, очень значима статья Василия Ордынского. Он пишет, что «особенно ярко такой подход проявляется в описании событий Великой Отечественной войны, – в которой участвовали уроженцы

2 Болгары и чувашаи. Сб. ст. – Чебоксары. 1984. – С. 8.

Татарстана самых разных национальностей. «Благодаря преобладанию регионального подхода, в наших учебниках нет никаких националистических идей или возвеличивания какого-либо одного этноса», – считает руководитель Центра истории и теории национального образования.

В тех же разделах учебников, которые рассматривают древний или средневековый период истории преобладает этноцентричный подход, либо наблюдается его комбинация с региональным. «Это естественно, ведь невозможно написать историю татарского народа, используя только региональный подход, не выходя за границы территории Татарстана», – говорит Марат Гибатдинов. «Без древнетюркского периода, истории Золотой Орды невозможно написать полноценную историю татар», считает учёный.

По его мнению, в некоторых российских учебниках, в главах посвященных присоединению Казанского края можно встретить и фальсификацию истории, и интерпретацию исторических фактов через призму этноцентричного (в отношении русского народа) подхода. Как говорит Гибатдинов, «согласно некоторым учебникам получается – что взятие

Казани для татар прошло совершенно безболезненно».

По мнению сотрудника Института истории АН РТ, несмотря на то, что применение регионального подхода в учебниках Татарстана помогает избегать многих «неудобных» тем (татарская эмиграция и её позиция в годы войны, депортация крымских татар), всё же нельзя полностью игнорировать факты истории».

Далее автор отмечает, что «игнорирование подобных «неудобных» тем истории оказывает нашему обществу медвежью услугу», – говорит учёный. Ведь всё равно эти страницы истории широко обсуждаются в обществе, и периодически информация об этих исторических событиях попадает в СМИ. «В итоге своё мнение об этих вопросах учащиеся формируют под влиянием публицистов, нередко трактующих эти факты предвзято и тенденциозно», – отмечает Марат Гибатдинов.

Доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ), историк Александр Овчинников не согласился с мнением руководителя «Объединения преподавателей истории Татарстана» о том, что в учебниках истории

написанных в республике нет националистических идей, как и с тем, что школьные учебники истории в Татарстане в отличие от Вузовских якобы свободны от тенденциозности.

Овчинников процитировал фрагмент написанного под редакцией известного татарского историка и этнолога Д.М. Исхакова учебного пособия для 10 классов общеобразовательных школ «История татарского народа с древнейших времён до конца XVII в.» (2009). В допущенном Министерством образования и науки Татарстана учебном пособии детям доказывается, что «единой российской цивилизации, очевидно, всё же не существует, и в Российской Федерации, а прежде в СССР и Российской империи, соседствовали, и уже довольно давно, несколько цивилизаций – православно-русская, исламская, буддистская и, возможно, некоторые другие». Показательно, что слово «единой» авторами пособия выделено.

«История национальной государственности татарского народа и Татарстана» (Таткнигоиздат, 2008) предисловие официально написано в то время ещё Президентом Татарстана М. Ш. Шаймиевым. В нём тогдашний руководитель республики даёт советы по совершенствованию издания.

«У нас главным историком все эти годы являлся Минтимер Шарипович Шаймиев», – заявил доцент кафедры гуманитарных дисциплин КНИТУ. По его мнению, «правлящая элита республики задаёт рамки исследования той или иной исторической проблемы». Сверху даётся команда – в чёрном или белом свете рассматривать то или иное событие прошлого, и участвовавших в нём исторических персонажей. Когда команда спускается вниз, то задачей историка становится – «прийти в архив, что-то оттуда повыписывать, и в определенном русле подать». Фактически сложилась жёсткая вертикаль: татарская этнократия – местные историки.

В своём выступлении Овчинников не смог обойти и злополучный учебник «История Татарстана. С древнейших времен до наших дней» Дании Сабировой и Якуба Шарапова.

Учёный продолжил начатую Раисом Сулеймановым тему «осовременивания истории» в антирусском духе в труде двух татарских профессоров.

Я бы добавил, что данный учебник не только антирусский, но и античувацкий. Чуваши при изложении истории, просто не берутся в расчет.

Чувашей просто нет. Общая концепция «это все уже не ваше».

Конечно, мы, чувашские историки, понимаем, что болгаро-чувашская цивилизация была великой, но в 1236 году монголо-татарами была разгромлена. В настоящее время их осталось 1440 тысяч человек в Российской Федерации. Расцвет, который они прошли до 1236 года по сей день сказывается в процессе развития российских чуваш. В XXI веке для чувашей идет процесс стагнации и ассимиляции.

Период трансформации болгаро-чуваш «худоболгар» занял с 1236 года более 700 лет. В начале XXI века чувашский народ оказался в полосе стагнации. Только благодаря природному ландшафту древнеболгарская цивилизация за счет болот, лесов и оврагов Горной Болгарии не только выжила, но сохранила все достижения древнеболгарской классической цивилизации. Выносливость, природное трудолюбие, взаимовыручка, доброта и нравственность стали способом консолидации чувашско-болгарского народа.

К сожалению, XXI век в условиях полного изъятия у чувашей болгарской части родной истории татарской властью и исследователями

судьба народа оказалась печальной. Недаром татарские болгаристы (ассимилированные татарами, бывшие болгаро-чуваши) утверждают, что чуваши пошли «не столбовой дорогой», а «пошли в сторону верхневолжских болот». Но надо понимать то, что леса и болота спасли (как советских людей в годы Великой Отечественной Войны 1941-1945). Болгаристы забывают, что они бывшие чуваши и говорили на болгаро-чувашском R-языке и только с конца XIII – начала XIV вв. перешли на татаро-кыпчакский Z-язык. А большая часть чувашей ассимилировалась татаро-кыпчаками после XVI века (более 300 тысяч человек).

О процессе этногенеза болгар Р.Г. Кузеев далее пишет «начавшаяся в середине X в. мусульманизация Волжской Болгарии сузила языческое своеобразие погребального обряда, что особенно заметно на городских некрополях. Однако обита – тели сельской периферии еще долго, до XIII в., а местами и позже, продолжали сохранять пережитки язычества: захоронении и гробах, проявления культа огня, специфическую лепную керамику (Такталачук, Азмегьевский, Тетюшский могильники). Многокомпонентность болгарской культуры

подтверждается и керамическим материалом поселений.

Таким образом, территория от левобережья Средней Волги до Урала, еще до XIII в. включительно занятая племенами угорского происхождения (памятники чияликского типа), в предшествующее время также была заселена финно-уграми, в среде которых преобладал угорский этнокультурный компонент.

Основное содержание прихода болгар в Среднее Поволжье заключалось в социально-политических новациях, привнесенных ими в численно преобладавшую финно-угорскую среду. Болгары, вышедшие из недр кочевого раннефеодального государства Великой Болгарии, в Поволжье и Прикамье столкнулись с патриархально-родовым строем у местных племен и военно-демократическим – у приуральских угров. Это были такие общественные структуры, которые оказались в состоянии оказать сопротивление утверждению социально-политической гегемонии пришельцев. Очевидно, ранний период истории Волжской Болгарии был временем борьбы болгарской военной знати с местными племенными группировками, с их аристократией. Одновременно это было временем

поиска подходящих форм политического и конфессионального управления подчиненными территориями. Такую форму правления, как и во всяком классовом раннефеодальном государстве, могло обеспечить принятие ортодоксальной религии, что и было сделано в Волжской Болгарии в X в.³

Нарисованная выше в самой общей форме (но детально разработанная в литературе) картина смены археологических культур и их этнокультурной интерпретации позволяет уточнить направление этнических процессов в болгарскую эпоху и предшествующее ей время. Во второй половине и в конце I тыс. н. э. очертания финно-угорских народов и этнографических групп, а также их географическое размещение археологическими комплексами, а в ряде случаев и письменными источниками фиксируются достаточно четко. Этого невозможно сказать о тюркских народах области, хотя в источниках начала X в. (Ибн – Фадлан) на левобережье Волги упоминаются болгары, башкиры, сувары и другие племена. Это объясняется слабой дифференцированностью этнического мира тюрко-болгарских

3 Болгары и чуваша. Сб. ст. – Чебоксары. 1984. – С. 9.

племен, что также является одним из показателей поздней миграции сюда тюрков.

Этническая консолидация предков всех современных тюркских народов Волго-Уральской области протекала через посредство смешения с местными финно-угорскими и, вероятно, угросамодийскими группами. Во всяком случае, есть многочисленные свидетельства формирования чувашей, татар и башкир на восточнофинском субстрате, который у разных народов региона представлен, естественно, в разных пропорциях. Это смешение было настолько значительным, что дало основание некоторым исследователям говорить об общности происхождения финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья и считать это этногенетическое единство одним из важных ареалообразующих и этноконсолидирующих факторов.

Прогрессивное развитие производительных сил в болгарскую феодальную эпоху расширило к началу XIII века этнополитическое и культурное влияние Волжской Болгарии, способствовало глубокой интеграции этнических образований региона в единый этнокультурный мир. Эти

прогрессивные изменения вызвали значительные передвижения населения, как на северо-запад, так и на восток. Марийцы продвинулись в Вятко-Ветлужское междуречье, расширили свои территории мордовские племена, передвинулись на север удмурты, болгарские памятники еще шире распространились в Волжско-Сурском междуречье, появились в низовьях рек Белой, Большой Ик и в Приуралье. По мере миграции племен из болгарского центра на новые группы местного населения, которое придавало формирующейся ИЭО разнообразие и множественность в культурных проявлениях, при одновременном сохранении и дальнейшем развитии ареалообразующих черт культурного единства.

Таким образом, современный уровень знаний об этнической истории Волго-Уральской ИЭО, на наш взгляд, позволяет заключить, что в давней дискуссии об этническом соотношении современных чувашей и татар с волжскими болгарями, в которой порой замечается изрядный налет эмоциональности, сама постановка проблемы сформулирована недостаточно корректно. Не имеют достаточных оснований также появляющиеся иногда попытки интерпретировать эт-

ногенез и этническую историю обоих указанных народов вне зависимости от волжскоболгарского этнического мира. В свете сказанного остается неаргументированной идея о начале этнического сложения чувашей на основе тюркских групп, проникших в Среднее Поволжье в первые вв. н. э. (Писеральско-Андреевские курганы). В более точной постановке проблема должна подразумевать выяснение роли Волжской Болгарии и болгарского этноса в этногенезе и культуругенезе народов и этнографических групп Волго-Уральской ИЭО и в первую очередь тюркских. Потому что все тюркские народы региона – чуваша, татары, башкиры и ряд этнографических групп – историей своего этнического формирования тесно связаны с волжскоболгарским кругом племен.

Этническая дифференциация этих этносов в самостоятельные образования завершилась позднее в связи с историческими событиями XIII–XVI веков.

Остается добавить, что согласно новейшим археологическим данным, подкрепленным письменными источниками, начало массового расселения тюркоязычных кочевников в степях Заволжья и Приуралья приходится на конец IX–X в. Для этого вре-

мени на рассматриваемой территории известно около 40 погребений. Обрядом и сопровождающим инвентарем (земляные курганы, западная ориентировка умерших, захоронения конских черепов и ног, сабли в украшенных серебряными накладками ножнах, поясные наборы и т. д.) они повторяют известные в восточноевропейских степях курганы печенегов. Основная их масса концентрируется по среднему течению р. Урал и в окрестностях оз. Челкар (Увак, Тамар-Уткуль, Челкар III, Алебастрово, Черная Падина и др.), т. е. именно там, где в 922 г. встретил печенегов Ибн Фадлан. Северная граница распространения аналогичных могильников проходила по среднему и нижнему течению р. Самары и по верховьям Демы (пионерлагерь «Золотая Нива», Волчанский, Александровский, Покровский, III Кировский могильники на территории Куйбышевской области), т. е. именно там, где проводили границу печенежских кочевий средневековые географы (Идриси).

Четвертый этап в истории Волго-Уральской ИЭО охватывает XIII–XVI вв., с начала монгольской экспансии до присоединения Поволжья и Приуралья к Русскому государству. Главными политически-

ми событиями эпохи были разгром монголами Болгарского государства и установление на длительное время господства Золотой Орды; позднее, в XV в., когда окончательно определился процесс распада Золотоордынского государства, образовалось Казанское феодальное ханство, распространившее свое владычество на значительную территорию Среднего Поволжья и Приуралья.

Монгольское нашествие и последующие события, в том – числе образование Казанского ханства, вызвали крупные внутренние передвижения народов Волго-Уральской области. В XIII-XV вв. имел место дальнейший сдвиг финно-угорского населения: мордвы – в устье Оки, удмуртов и части марийцев – в лесные районы севера. Болгарское население уходит от пострадавших монгольско-го разгрома районов на север, в бассейн реки Казанки, междуречье нижней Свияги и нижней Суры, где оно смешивается с оставшейся частью марийцев; а также на восток, достигнув реки Белой и юго-западного Приуралья. Расселение болгар в различных направлениях было, по существу, распадом этнополитической болгарской общности, ускорившим консолидацию и формирование этнических тер-

риторий чувашей, татар и башкир. По мере постепенного продвижения на современные места расселения эти народы вновь смешались и ассимилировали в своем составе в различных масштабах финноязычные, угорские, угро-самодийские группы местного населения.

Существенное значение в этнокультурном формировании ИЭО; прежде всего ее южной и юго-восточной части, сыграл мощный приток кыпчакского населения. Археологически это документируется широким распространением от Зауралья (Федоровское погребение под Челябинском) до Нижнего Прикамья (Балымерские, Рождественские курганы) однотипных курганных захоронений XIII–XIV вв. с характерным набором половецких (кыпчакских) элементов погребального обряда и инвентаря: земляные или небольшие каменные насыпи, могилы, перекрытые деревянными плахами, западная или северная ориентировка погребенных, захоронения в гробах или колодах, помещение в могилу целой туши взнузданного и оседланного коня, специфический головной убор «бокка» и т. д. Археологический материал этого периода рисует картину четкого этнического размежевания (имеется в виду прежде всего тер-

ритория расселения) тюркоязычного и финно-угрозязычного населения Урало-Волжского региона. Самые северные кыпчакские погребения (Федоровское, Ишкуловские, Шах-Тау, Сынтыштамакские, Балымерские, Рождественское) совпадают с естественной границей Волго-Уральской степи, практически не нарушая ее и соприкасаясь в низовьях Камы с южной границей распространения памятников чияликского типа. В совокупности с данными исторической этнографии и этнолингвистики эти материалы говорят, по-видимому, о том, что распространение и влияние кыпчакского этнического субстрата на племена региона было достаточно локализовано и охватывало в основном тюркские народы Приуралья (башкир), а также южные и юго-восточные районы Волжской Болгарии, где начиналось формирование поволжских татар.

В прямой и очень интересной связи с археологическим материалом находятся данные по этнонимам казанских татар, опубликованные Г. В. Юсуповым. На основании болгарских эпитафий XIV–XVI вв. он пишет о распространенности в Закамье этнонимов катый, табын, туркмен, ашлы (аш, ос, аша, оса), мин, куль; ссылаясь

на данные, извлеченные из татарских генеалогий Г. С. Губайдуллиним, а также на анализ гидронимических названий, Г. В. Юсупов указывает на этнонимы периода Казанского ханства: барын, аргын, тама, кыпчак, ширин (шаран), тазлар, кырккуль. Все эти этнонимы имеют параллели в этнонимии башкир, родо-племенной состав которых изучен тщательно, и относятся к кыпчакской эпохе этнической истории башкирского народа, к XIII–XV вв. Можно, следовательно, заключить, что в указанное время этническое формирование башкир и татар шло под воздействием во многом одних и тех же кыпчакских или кыпчакизированных родо-племенных образований. В то же время археологические материалы свидетельствуют, что Волжско-Сурское междуречье осталось за пределами кыпчакского воздействия. Передвинувшиеся сюда болгары, смешавшиеся с местным древнемарийским населением, сохранили болгаро-суварский (чувашский) язык.

Таким образом, новая миграция, прежде всего, коснулась этнического формирования татар и башкир, усилив монголоидную примесь в антропологическом типе этих народов по сравнению с финнами, а также при-

дав новый импульс развитию кочевнических традиций в культуре. Эти черты особенно отчетливо проявились в формировании башкирского этноса, так как до XIII – начала XIV вв. – на территории Приуралья, в низовьях Белой этнический состав населения был пестрым, многоязычным. По мере продвижения башкирских племен с запада на современную территорию многоязычная ситуация в XIII– XV вв. исчезает; однако башкиры, ассимилировав финно-угорских аборигенов и испытав мощное воздействие южных кочевников, несколько изменили направление своего развития в сторону усиления кочевого скотоводства в хозяйстве и степных традиций в культуре. Особенно важно обратить внимание на то, что кыпчакский компонент обусловил общность не только значительных сфер культуры татар и башкир, но и их языков. Стремление вывести казанскотатарский язык в единственном числе непосредственно из волжскоболгарского не учитывает этническую историю и историю языка башкирского народа. Во всяком случае эта концепция не в состоянии объяснить природу близости казанскотатарского и башкирского языков, общий лексический фонд которых составляет 96%. Отличия же татарского

языка от башкирского исследователями объясняются (О. Прицак) давними связями «мусульманско-булгарского» языка с среднеазиатскими тюркскими языками, а также последующим развитием казанскотатарского языка под «внешним воздействием со стороны тюркских языков таких культурных центров, как ханские ставки Мавераннахра и Золотой Орды», в то время как башкирский язык сохранял связи с «зауральским языковым миром».

В XIII–XV вв. завершилось формирование современных очертаний этнических территорий основных этносов региона, в том числе тюркских. Это был период расширения этнических территорий татар и, особенно, башкир, формирования по существу новой этнической территории чувашей и, напротив, сокращения этнических территорий мордвы, марийцев и, возможно, удмуртов. По мере постепенного продвижения на современные места расселения все эти народы, прежде всего тюркские, продолжали ассимилировать в своем составе (в разных масштабах) периферийные ираноязычные, угорские, угро-самодийские группы местного населения. Особенно сильным оказался финно-угорский компонент в формировании чувашского этноса,

которое протекало в ходе продвижения тюрко-болгарских групп вверх по Волге на территорию современного Чувашского Поволжья.

В процессе дискуссии об этнических наследниках волжских болгар некоторые историки и лингвисты, отрицая этноязыковую преемственность чувашей от волжских болгар, в числе основных доказательств ссылаются на то, что чувашаи после переселения не создали на новой территории своей государственности. Однако после прекращения в XIII в. существования Болгарии как этнополитического образования не создали своей государственности на Волге и татары, которых М. З. Закиев считает единственными наследниками этноса, языка и культуры волжских болгар. Не создали своей государственности и башкиры, которых мы считаем также тесно связанными с волжскоболгарским этнокультурным миром. Хорошо известно, что Казанское ханство, так же как и Ногайская Орда, возникло на социально-политической основе, не имеющей к Волжской Болгарии непосредственного и прямого отношения чувашей, то их перемещение в новые (лесные) районы было вынужденным и внезапным; произошло оно в силу экстремальных политических об-

стоятельств. Это отбросило чувашей назад в социально-экономическом и политическом отношениях или, по крайней мере, задержало их развитие, хотя они остались оседлыми земледельцами. Немало энергии у чувашского этноса ушло на ассимиляцию финно-угорского местного населения, на формирование своеобразной синкретической культуры со смешанными болгарскими и финно-угорскими признаками. Истории известны подобные перемещения, которые заканчивались разными результатами: миграция части великих болгар на Дунай завершилась их славянизацией, хотя болгары создали на Дунае свое государство; оставшиеся на Северном Кавказе болгары (совр. балкарцы) приобрели многие кавказские и кыпчакские черты в культуре, хотя сохранили (естественно, в трансформированном виде) тюркский язык. В условиях Среднего Поволжья, таким образом, в XIV – начале XV вв. не было реальных условий для создания (или воссоздания) Болгарского государства, и после разгрома Волжской Болгарии новые государственные образования не возникли ни в верхнем течении Волги, ни в устье Камы, ни в Приуралье. Однако, пережив сложные этнокультурные метаморфозы, чу-

ваши сохранили волжскоболгарский в основе язык.

Начавшаяся еще в X в. исламизация болгарского этноса, а позднее христианизация волжских финнов и чувашей (значительная часть которых долгое время оставалась в язычестве) способствовали замедлению этнокультурных интеграционных процессов, особенно в области духовной культуры. Если говорить точнее, формирование достаточно четких конфессиональных различий в Волго-Уральской области вело к образованию и стабилизации специфического для ИЭО состояния бикультурализма на разных уровнях: региона в целом и этносов в отдельности. В масштабах ИЭО состояние бикультурализма этносов было ареалообразующим и ареалосплачивающим фактором, т. к. за десятилетия и столетия финно-угорско-тюркского взаимодействия образовался достаточно ощутимый общий слой культуры, особенно в материальной сфере. В масштабах же отдельных этносов оно объективно способствовало дифференциации и отдалению тюркских и финно-угорских этносов, особенно в области духовной культуры, усиливало развитие эндогамных браков внутри конфессиональных (мусульманских, христиан-

ских, языческих), но, очевидно, и в пределах этнических групп. Результаты этих изменений в конфессиональном развитии со временем особенно сильно сказались в специфике и уровне бикультурализма, с одной стороны, татар и башкир, с другой – чувашей, хотя вплоть до XIII в. этническая основа этих народов была близка⁴.

Обратимся к работе В.Д. Димитриева «О последних этапах этногенеза чувашей». Некоторые татары-булгаристы, конечно знают исследования чувашского профессора В.Д. Димитриева, но не признают его. Думаю, что такое «отторжение» связано с пониманием того, что чувашский профессор прав. Так, например, Димитриев пишет «важнейшей аргументацией утверждения об определяющей роли болгарского компонента в этногенезе чувашей являются данные языка – прежде всего эпитафии на позднеболгарских надгробных плитах XIII–XIV вв. Их сохранилось свыше 200. Из них 90% содержит чувашские слова (с ротацизмом) и лишь 10% – татарские слова (с зетацизмом). Примечательно сходство с чувашскими не только в лексике, но и в грамматических формах.

4 Болгары и чуваше. Сб. ст. – Чебоксары. 1984. – С. 47-56.

Пытаясь опровергнуть истину о болгаро-чувашиской языковой преемственности, М. З. Закиев ссылается на неправильное якобы чтение текстов эпитафий, на то, что как будто «чувашизмы соответствуют не литературному, а разговорному татарскому языку (приводит некоторые диалектные слова в языке татар, не так давно бывших чувашами, или же татар, живущих в соседстве с чувашами). И в то же время допускает, что болгары в мемориальном языке могли использовать чувашский. «... Весьма возможно, — пишет он, — что для того, чтобы болгарский письменный язык как можно больше отдалить от разговорного, что очень часто наблюдалось в период феодализма, его насыщали «таинственными», т. е. чувашскими, словами и выражениями». Правда, логики здесь нет: с одной стороны, чувашские слова эпитафий отнесены к разговорному татарскому языку, с другой — они введены в эпитафии, чтобы мемориальный язык отдалить от разговорного.

Установлено, что предки венгров обитали совместно с болгарскими племенами на Северном Кавказе, а в VII–IX вв. жили в соседстве с болгарскими и суварскими на левобережье Волги, отчасти и на правобережье.

От тех времен в венгерском языке сохранилось около 300 болгарских слов, сходных с чувашскими. Находясь в составе Болгарского союза племен и Волжской Болгарии в VIII – начале XIII вв., маришцы восприняли в свой язык около 1500 чувашских слов, удмурты — до 500, коми-пермяки — свыше 300. Болгарские заимствования в финно-угорских языках, относящиеся к скотоводству, земледелию, средствам передвижения, строительной терминологии, ремеслам и домашней утвари, одежде, общественному и религиозному быту, государственному строю¹⁰², свидетельствуют не только о болгаро-чувашиской языковой преемственности, но и об уровне развития и характере производства, общественных отношений, быта и культуры волжских болгар — основных предков чувашей. И. Г. Добродомовым в докторской диссертации и многочисленных публикациях чувашскими словами расшифровано большое количество болгарских заимствований в русском и других славянских языках.

Сходство чувашского языка с болгарским признано мировой лингвистикой. Крупнейшие лингвисты А. А. Куник, В. В. Радлов, Н. И. Ашмарин, Б. Мункачи, И. Вихман, М. Ряснянен, Х. Паасонен, З. Гомбоц, Г. И.

Рамстедт, А. А. Шахматов, Н. Ф. Катанов, А. Н. Самойлович, Ю. Немец, Н. Н. Поппе, С. Е. Малов, Л. Лигети, Н. К. Дмитриев, Н. А. Баскаков, Б. А. Серебренников, М. К. Палло, А. Ронаташ, Г. Дерфер,

Они исходят в своих исследованиях из признания болгаро-чувашской языковой преемственности. Их доказательства неопровержимы.

Следует указать, что в чувашском языке содержится значительное количество арабских слов, большинство которых, судя по их фонетическому облику, вошло в чувашский язык в период существования Волжской Болгарии, до XIV в., не через посредство татарского языка. Общение с кыпчаками, впоследствии с татарами, повлекло проникновение в чувашский немалого числа кыпчакских слов. Финно-угорские, главным образом марийские, слова в основном представлены в топонимии Чувашии, что объясняется проживанием на ее территории марийского населения до прихода чувашей. В чувашском литературном языке выявлено около двух десятков, в сундырском диалекте до трех десятков марийских заимствований. Начиная примерно с VII в., особенно интенсивно с XVI в. по настоящее время чувашский язык обога-

щается за счет заимствований из русской лексики.

Некоторые ученые, признавая преемственность чувашского языка от болгарского, сомневались в болгаро-чувашской этнической преемственности. В. В. Радлов был склонен считать, что чувашаи, не тюрки по происхождению, усвоив тюркский язык, видоизменили его. Глубоко исследовав лексику, фонетику и грамматику чувашского языка, Н. И. Ашмарин пришел к выводу, что «не чужеродцы исказили перенятое ими тюркское наречие, а тюрки (чувашаи) утратили чистоту родного говора, приняв в свою среду чуждый элемент в лице финнов Поволжья». Ныне радловской позиции придерживается Р. Г. Ахметьянов. Правильно утверждая, что основу чувашского языка составляет болгарский язык, он, не приводя доказательств, заявляет, что формирование чувашского языка связано с восприятием кыпчакизированного болгарского языка «носителями древних финно-угорских языков Поволжья». Такая позиция не находит подтверждения не только в языковом, но и в антропологическом, археологическом и этнографическом материале.

В высказываниях некоторых археологов (Ю. А. Краснов) и этнографов, признающих участие болгар в

этногенезе чувашей, проскальзывает тенденция считать основным их компонентом финно-угров. Такое мнение невозможно подтвердить совокупностью фактов. Как уже указывалось, существенным компонентом чувашского этноса явилось марийское население. О ходе ассимиляции болгарами некоторой части марийских племен в VII–XII и более интенсивно в XIII–XV вв. мы уже говорили. В. Ф. Каховский отмечает следующие марийские этнокультурные проявления у чувашей, особенно верховых.

Рассматривая чувашско-марийские этнокультурные отношения, необходимо иметь в виду, что марийцы являются народом, испытавшим наибольшее влияние тюркоязычных болгар. В дореволюционной литературе встречаются определения марийцев как финно-тюрков, Данные с известным основанием. К предкам марийцев не только на правобережье, но и на левобережье Волги, должно быть, еще с VII–VIII вв. проникали немалочисленные болгарские струи, и они, в районах численного преобладания марийцев, сливались с ними, оставляя заметные следы и в физическом типе, и в быте, культуре, и в языке марийских племен. К. Ю. Марк на основе антропологического изучения пришла

к выводу, что марийцы по физическому типу занимают промежуточное положение между мордвой и удмуртами, более приближаясь к последним. Кроме того, она обнаружила у марийцев «большое сходство с чувашами», что она объясняет как участием марийцев в этногенезе чувашей, так и «тем, что марийцы, по всей вероятности, смешивались в некоторой степени с болгарами. Об этом свидетельствует наличие у марийцев более сильной монголоидной примеси, более темной пигментации и некоторых других признаков в сравнении с соседними финно-угорскими народами». С таким заключением перекликаются и наблюдения Р. Г. Ахметьянова: «Общность лексики, духовной культуры у народов Среднего Поволжья совокупно с другими языковыми, этнографическими и прочими данными позволяет утверждать, что культура всех этих народов сложилась из двух генетических элементов – тюркского (возможно – тюрко-монгольского) и финно-угорского (у каждого народа в разных пропорциях). Финно-угорский культурный элемент больше представлен у мордвы, тюркский – у башкир. Из финно-угорских народов наибольшей долей тюркской примеси обладают марийцы, а из тюркских народов наи-

большой долей финно-угорской примеси – чувашей. При этом у марийцев и чувашей угадывается еще некая монгольская культурная струя, отсутствующая у других народов». Тюркские примеси в культуре марийцев – в основном результат слияния их с болгарами.

Палеоантропология тюркских и финно-угорских племен исследована очень слабо, она опирается на отрывочный, подчас случайный материал. Т. А. Трофимова попыталась использовать его для обоснования гипотезы об автохтонном происхождении чувашей. В. П. Алексеевым он привлечен в других целях. Вызывает удивление его утверждение, что «основной европеоидный тип в составе казанских татар был принесен болгарами». В то же время, на основе изучения краниологического материала из плиточных могил Забайкалья и из могильника на Иволгинском городище, он делает вывод, что «гунны были, классическими представителями монголоидной расы без какой – либо заметной европеоидной примеси». Действительно, в 627 г. защитники осажденного Тбилиси нарисовали изображение царя гуннов в типично монголоидном виде. Но ведь болгарские племена вышли из хуннской среды Забайкалья, а на Северном

Кавказе с вторжением гуннов входили в гуннскую федерацию. Центральноазиатские древние болгары, разумеется, были монголоидами. Общась с европеоидными динлинами Южной Сибири, продвигаясь через заселенные североиранцами степи современного Казахстана и проживая на Северном Кавказе совместно с сармато-аланами, общась с яфетидами и славянами, болгары, несомненно, впитали в себя значительную европеоидную примесь. На Средней Волге шло смешение болгарских племен с остатками восточнославянских племен именьковской культуры и с восточнофинскими племенами, что вело к усилению их европеоидности. В. П. Алексеев почему-то считает, что монголоидность была присуща кыпчакам, хотя известно, что среди западных кыпчаков преобладали европеоидные типы, в более чистом виде представленные в крымских татарах. Монголоидные типы среди чувашей, оставшиеся преимущественно от древних болгарских предков, В. П. Алексеев, по-видимому, определяет как кыпчакские. Ссылаясь на его заключение, М. З. За – киев заявляет, что болгары составили основу формирования антропологического типа поволжских татар, а восточные финны и кыпчаки – чувашей. Неболь-

шая кыпчакская примесь в чувашах, вероятно, имеется, но не в такой мере, как представляет М. З. Закиев. Субуральский и сублапоноидный типы, значительные у марийцев и удмуртов и приписываемые финно – уграм, в равной мере представлены у чувашей и у поволжских татар. В физическом типе мишарей и казанских татар, в отличие от чувашей и марийцев, имеется понтийский европеоидный тип, особенно характерный для крымских татар. Этот тип привнесен в состав поволжских татар, по всей вероятности, западными кыпчаками. Монголоидность в физическом типе казанских татар, чувашей и марийцев, монгольский слой в чувашской лексике, частично перешедший и в марийский язык, монгольская культурная струя у чувашей и марийцев в значительной мере генетически связаны с болгарам. Следует, конечно, учитывать и то, что среди восточнофинских племен монголоидная физическая примесь наблюдается с глубокой древности. В целом же в антропологическом составе чувашей финно-угры занимают заметный удельный вес.

В первой половине XVI столетия у чувашей ярко проявлялось этническое самосознание, что выразилось в их активном и сплоченном высту-

плении за переход в состав Русского государства и добровольном вхождении в него в 1551 г. Это свидетельствует о том, что к середине XVI в. формирование чувашской народности в основном завершилось. Этническое развитие чувашей, в частности включение в их антропологический состав некоторой части горных марийцев, небольшого числа русских и татар, продолжалось и после середины XVI в.

Заключение

Таким образом, последние два этапа этногенеза чувашей, составляющие период формирования народности в условиях зарождения и развития классового общества, были весьма сложными. На естественный этнический процесс огромное воздействие оказали внешнеполитические катаклизмы, вызвавшие социальные бедствия и вынужденные миграции населения. Он был связан и с религиозной ситуацией. Тюркоязычные болгарские племена, для которых был характерен *p*-л-язык, на долгом пути из Центральной Азии на Северный Кавказ и в продолжительный период пребывания в Предкавказье принявшие в свой состав значительное количество североиранского населения, в мень-

шей мере—яфетидов и угров, в VII–VIII вв. переселились в Волго-Камье. Здесь вначале в племенном союзе, с X в.— в Болгарском государстве на основе сближения болгарских племен и ассимиляции ими восточных финнов и угров (мадьяр), отчасти восточных славян, буртасов и ранних башкир, шло формирование болгарской (древнечувашской) народности. Вторжение монголо-татар в ~30-х гг. XIII в. прервало этот процесс и вызвало перемещение части болгаро-чувашей в лесные районы Приказанья и правобережья Волги. Военные события второй половины XIV в. привели к запустению Закамья, перемещению болгаро-чувашского, отчасти кыпчакско-татарского населения в приказанско-заказанский район и в северную часть междуречья Волги и Суры. В результате повторного смешения языческих болгаро-чувашей, сохранившихся от кыпчакско-мусульманской ассимиляции, с марийскими и другими финно-угорскими племенами в XIII – начале XVI вв. сформировалась чувашская народность. Ее основными компонентами составили болгары, передавшие ей р-л язык и другие этнокультурные признаки. То обстоятельство, что преобладающим компонентом чувашской народности послужили болгары,

в основном сформировавшиеся в этнос еще к началу XIII в., обусловило характерное для чувашей этническое, культурно-бытовое и языковое единство, отсутствие племенных различий⁵. За последние годы автором изданы около 30 книг, учебных пособий по истории чувашского народа⁶.

Библиография

1. Болгары и чувашы. Сб. ст. – Чебоксары. 1984. – 159 с.
 2. Тафаев Г.И. Древнеболгарская (древнечувашская цивилизация Среднего Поволжья). – Чебоксары, 2012. – 176 с.
 3. Тафаев Г.И. Древнеболгарская цивилизация в евразийском пространстве. – Чебоксары, 2012. – 320 с.
 4. Тафаев Г.И. Ордынская эпоха древнеболгарской цивилизации. Монография. – Чебоксары – 2011. – 264 с.
-
5. Болгары и чувашы. Сб. ст. – Чебоксары. 1984. – С. 51.
 6. Тафаев Г.И. Древнеболгарская (древнечувашская цивилизация Среднего Поволжья). – Чебоксары, 2012. – 176 с.; Тафаев Г.И. Древнеболгарская цивилизация в евразийском пространстве. – Чебоксары, 2012. – 320 с.; Тафаев Г.И. Ордынская эпоха древнеболгарской цивилизации. Монография. – Чебоксары – 2011. – 264 с.

The theory of ethnogenesis and its falsification in the Middle Volga republics

Tafaev Gennadii Il'ich

Full Doctor of History, professor,
Yakovlev Chuvash State Pedagogical University,
P. O. Box 428000, K. Marksa str., No. 38, Cheboksary, Russia;
e-mail: tafajev@gmail.com

Abstract

In the past 100 years the expansion of the Tatar ethnic group is aimed at permanent withdrawal of Old Bulgarian history of the Chuvash and their complete assimilation.

Falsified history sweeping Chuvash consciousness and deprives them of their historical and genetic memory.

In a long-standing debate about the ethnic ratio of the modern Chuvash and Tatars with the Volga Bulgars, which is sometimes seen in a hefty touch of emotions, the formulation of the problem itself is formulated incorrect. There are no sufficient grounds for the occasional attempts to interpret the ethnogenesis and ethnic history of both these peoples, regardless of Volga-Bulgaria ethnic world.

New migration, first of all, touched the formation of ethnic Tatars and Bashkirs, strengthening Mongoloid admixture in the physical type of these people compared with the Finns, as well as giving a new impetus to the development of nomadic traditions in culture.

The last stages of Chuvash ethnogenesis, composing the national formation in terms of origin and development of class society, were quite complex. Huge impact on the natural ethnic process had foreign policy disasters that have caused social distress and forced migration.

Keywords

Civilization, falsification, ethnogenesis, history, ethnography.

References

1. *Bulgarians and Chuvash. Collection of articles* [*Bolgary i chuvashi. Sb. st.*], Cheboksary, 1984, 159 p.
2. Tafaev, G.I. (2011), *Ordyn epoch of the Old Bulgarian civilization. Monograph* [*Ordynskaya epokha drevnebolgarskoi tsivilizatsii. Monografiya*], Cheboksary, 264 p.
3. Tafaev, G.I. (2012), *Old Bulgarian (Old Chuvashian civilization of the Middle Volga)* [*Drevnebolgarskaya (drevnechuvashskaya tsivilizatsiya Srednego Povolzh'ya)*], Cheboksary, 176 p.
4. Tafaev, G.I. (2012), *Old Bulgarian civilization in Eurasian environment* [*Drevnebolgarskaya tsivilizatsiya v evraziiskom prostranstve*], Cheboksary, 320 p.